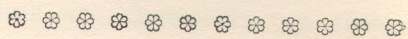

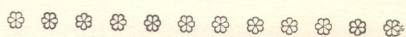
Ар. Фатѣевъ.

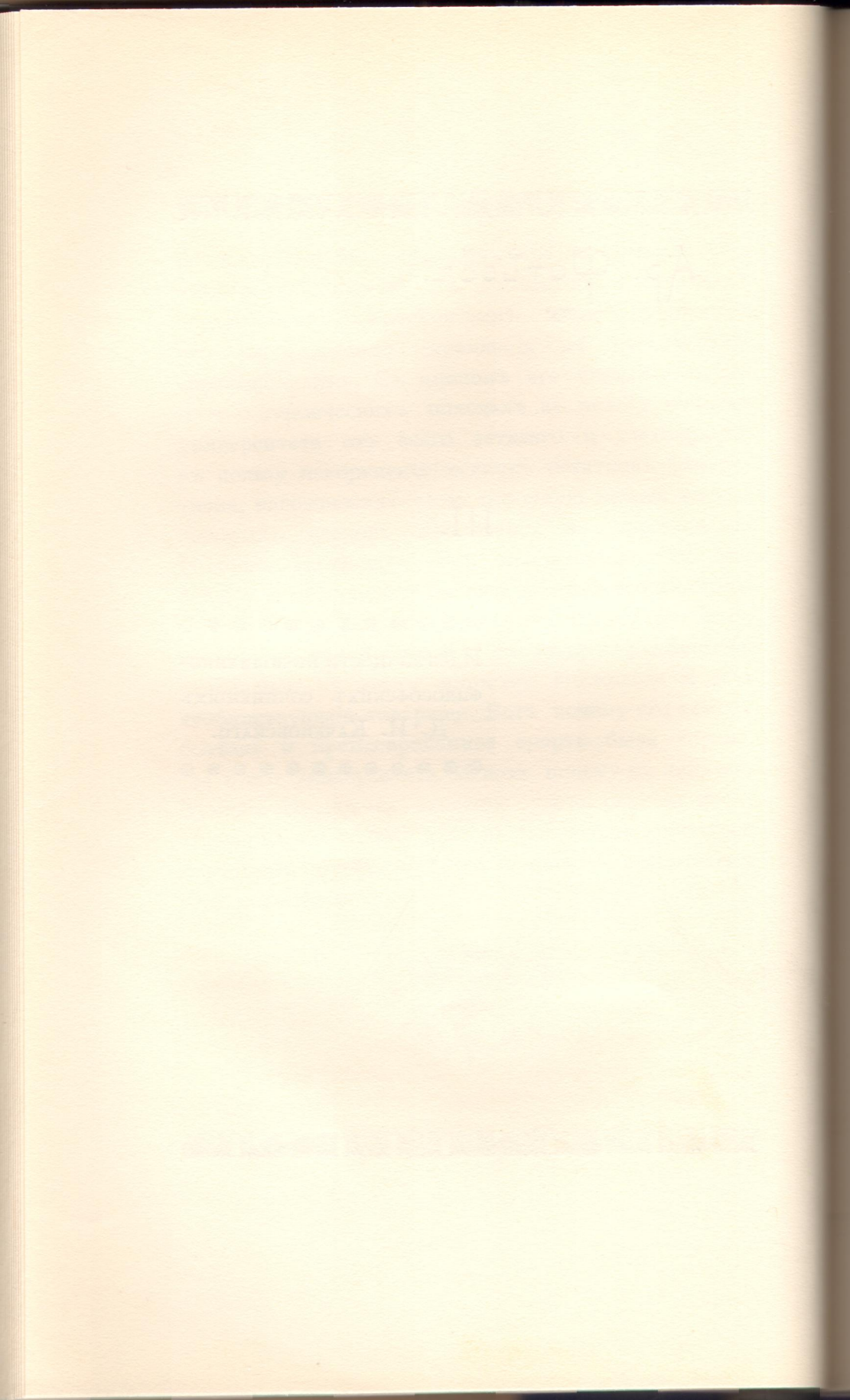
III.

Идея личности въ политико-
философскихъ сочиненіяхъ

Д. И. Каченовскаго.

оя краткая рѣчь—вставной эпизодъ среди научныхъ характеристикъ и воспоминаній о Димитріи Ивановичѣ Каченовскомъ, предложенныхъ сегодня Вашему вниманію, котораго я не рѣшился бы утруждать: не могу внести цвѣтной штрихъ въ колоритный и жизненный образъ.

Но, по роду своихъ занятій, я счелъ себя не въ правѣ уклониться отъ этой обязанности послѣ того, какъ совѣтъ юридическаго общества, осуществляя прекрасную мысль—возсоздать образъ, по возможности, во всей полнотѣ—почтилъ меня просьбой сказать немного, что имѣю.

Научная энергія Каченовскаго разливалась далеко за грани ближайшей сферы его преподавательской дѣятельности и коснулась, между прочимъ, политической философіи.

Именно здѣсь я хотѣлъ бы отмѣтить одинъ изъ свѣтлыхъ лучей его ума, блеснувшій въ предразсвѣтную эпоху судебныхъ реформъ.

Я говорю о его работахъ: «Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ» 1859 г. 142 стр. и «О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи» 1862 г. VI+172 стр.—нынѣ библиографическихъ рѣдкостяхъ.

Если справедливо правило Спинозы: въ философіи не радоваться, не печалиться, но понимать, то въ области политической философіи, рѣшающей свои проблемы съ точки зрѣнія категоріи должествованія, мало понимать, надо—вѣрить. Мало вѣрить,—надо любить идеаль предносящейся дѣйствительности и ретроспективно освѣщающій прошлое.

Вспоминая сегодня о профессорѣ въ старыхъ стѣнахъ этого зала, гдѣ нѣкогда звучало его живое слово, мы не можемъ скрыть ни радости, ни печали. Мы не можемъ не радоваться, ибо то, что ясно понималъ, чему вѣрилъ и что любилъ Каченовскій, знаемъ, вѣримъ, любимъ и мы; не печалиться, потому что любимыя идеи его, хотя вошли въ русское научное правосознаніе, все же и донинѣ остаются во многомъ предметами вѣры и надежды...

Русская политическая мысль, небогатая литературой ко времени появленія указанныхъ работъ Каченовскаго, имѣла одно лишь крупное и замѣчательное произведеніе Неволіна ¹⁾, отдавшее дань нѣмецкому идеализму.

Напротивъ, Каченовскій, особенно въ методологіи—предвозвѣстникъ позитивнаго направленія,

¹⁾ Энциклопедія законовѣдѣнія. Спб. 1857 г. 2-е изданіе.

нашедшаго затѣмъ свое яркое выраженіе въ книгѣ профессора Сергѣевича «Задачи и методы государственныхъ наукъ», по замѣчанію Новгородцева ¹⁾, «vade mesum» публицистовъ того времени.

Харьковскій ученый присоединяется къ живому движенію, охватившему государствовѣдѣніе 19 столѣтія, которое бодро и смѣло выбивается на широкій путь изученія фактовъ, размышленія надъ ними, а не надъ утопіями государственной романтики.

Путь указало естествознаніе. Усвоивъ принципъ закономерности соціальныхъ явленій, публицисты отнынѣ не были уже въ роли бѣгущихъ за китайскими тѣнями, а вносили планомѣрность туда, гдѣ, по противоположнымъ воззрѣніямъ, царили хаосъ и произволъ случая съ абсолютною властью въ качествѣ единственнаго регулятора. Приверженцы этихъ послѣднихъ воззрѣній говорили, что политическая наука не можетъ ни создать государства, ни воспрепятствовать его упадку. Она можетъ вносить и вносила лишь смуту въ умы. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ она лицамъ, стоящимъ у кормила правленія? Не довольно ли для нихъ искусства, ловкости и практической смѣтки ²⁾?

Противъ такого мнѣнія всѣми силами возставалъ Каченовскій, заимствуя матеріалъ для своихъ разсужденій изъ лучшихъ политическихъ сочиненій Англіи и континента.

¹⁾ См. его ст. въ сборн. „Проблемы Идеализма“.

²⁾ Стр. 6. Взглядъ etc.

Онъ отвѣчалъ, что государство не призракъ ¹⁾, а фактъ, могущій стать объектомъ наблюденія. И оно показываетъ, что государство не только временное и мѣстное, но всемірно историческое явленіе, законъ жизни и развитія ²⁾ человѣка.

Политическая наука изучаетъ его, имѣя неоспоримый, отправной пунктъ: тождество природы человѣческой, требованія и законы которой всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны ³⁾, не смотря на всѣ оттѣнки индивидуальности.

Не станемъ, однако, добиваться отъ науки чего она дать не въ силахъ: немедленнаго примѣненія къ жизни ея истинъ. Силы науки, какъ бы желаетъ сказать Каченовскій, направляются къ проведенію во всеобщее сознаніе ея истинъ, которыя, «начинаютъ дѣйствовать, становясь безсознательными, обратившись въ привычку, вѣрованіе, предразсудокъ ⁴⁾».

Не менѣе напрасны извѣты, что политическая наука вноситъ смуту въ умы. Гдѣ существующій порядокъ достигаетъ своей цѣли и согласуется съ потребностями народа, тамъ, можно сказать навѣрное, не опасны никакіе политическіе писатели.

Если люди довольны и счастливы, трудно доказать имъ противное. Но предположимъ даже, что управление извѣстнаго государства идетъ неудовле-

¹⁾ Ib. стр. 13.

²⁾ Современное состояніе etc. стр. 35.

³⁾ Взглядъ etc. 22 стр.

⁴⁾ Тѣтъ: Les origines et. cet. (L'ancien rigime).

творительно, что нація отъ него страдаетъ; и въ такомъ случаѣ изслѣдованіе недостатковъ принятой системы не повредитъ гражданскому строю: чтобы исправить зло, надобно понять сначала, въ чемъ оно заключается, какія имѣетъ причины. Мракъ не исцѣляетъ общественныхъ ранъ, не скроетъ страданій политическаго организма, не притупитъ его чувствительности.

Если человѣкъ не знаетъ, откуда происходитъ боль, онъ тѣмъ сильнѣе беспокоится, тѣмъ меньше даетъ себѣ отчета въ своей досадѣ, тѣмъ скорѣе обращаетъ злобу и месть на невинныя лица. Тоже бываетъ и съ обществомъ: невѣжество не облегчитъ, а только усилитъ его страданія, сдѣлаетъ ихъ невыносимыми. Наука, напротивъ, объяснитъ свойства недуга и найдетъ, если возможно, способы врачеванія ¹⁾!..

Вотъ мысли, явившіяся въ русской политической литературѣ предъ шестидесятыми годами. Мы можемъ, мы должны ихъ повторить, потому что они не утратили ни своей правды, ни своей умѣстности.

Такова точка зрѣнія Каченовскаго на политическую науку и примѣненіе ея къ жизни.

Но заглядывая глубже въ существо его мыслей, мы замѣчаемъ неустанное стремленіе найти сокровенный смыслъ эволюціи политическихъ идей. И Каченовскій, повидимому, находитъ его въ постепенномъ проясненіи идеи человѣческой личности.

¹⁾ Взглядъ etc. 107 стр.

Не останавливаясь здѣсь на нѣкоторомъ не объясненномъ эклектизмѣ индивидуализма и социализма у почтеннаго автора, такой результатъ его политическаго мышленія является тѣмъ любопытнѣе, что современная намъ школа возрождающагося естественнаго права близко соприкасается съ нимъ въ этомъ пунктѣ. Правда, мы находимъ у него еще смѣшеніе политико-философской и историко-соціологической точекъ зрѣнія, тогда какъ молодая школа, опираясь на Канта и защищая нравственную автономію личности, различаетъ соціологическую и нормативную категоріи изученія ¹⁾.

Все же Каченовскій вѣрно понялъ движеніе индивидуалистической эволюціи и полагалъ вмѣстѣ съ Робертомъ Молемъ, что въ противоположность поглощенію личности государствомъ въ античной философіи, «новая приняла за исходный пунктъ субъективный разумъ».

Выступивъ съ своими требованіями и опираясь на естественное право, личность защищала свою свободу до тѣхъ поръ, пока не измѣнила стараго, основаннаго на силѣ и преданіи порядка ²⁾, ибо чувство свободы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾, есть общечеловѣческое чувство; его источникъ пробивается всюду и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше даютъ

¹⁾ См. проблемы идеализма. Ст. проф. Новгородцева.

²⁾ Взглядъ et cet. 99 стр.

³⁾ Современное состояніе et cet. 22.

ему хода; онъ не изсякнетъ въ борьбѣ; стремительность его только усиливается среди враждебныхъ обстоятельствъ.

Отъ Бэкона и Декарта до Канта всѣ онѣ (философскія системы) направлены къ одной цѣли, вырабатываютъ одну идею личности ¹⁾, которая является *praterea sensu*—политической философіи двухъ столѣтій и достигаетъ расцвѣта въ политическихъ доктринахъ блестящихъ и горячихъ умовъ Франціи и о нихъ восторженно отзывается Каченовскій. Но именно во Франціи эта идея не находитъ благопріятныхъ условій среди атмосферы, отдававшей бюрократизмомъ и централизациею, не смотря на очистительныя политическія грозы. И потому не здѣсь искать корней политической концепціи, соотвѣтствующей идеѣ личности.

Какъ къ восполненію французской философіи, научные взоры Каченовскаго, по примѣру Монтескье, обращаются къ любимой имъ Англіи, ея философіи, ея строю. Въ долготѣнемъ опытѣ, практичности и приспособленности ея государственныхъ учрежденій къ національному индивидуализму, онъ ищетъ недостающихъ элементовъ синтезу личности и политической организаціи. Онъ находитъ ихъ «въ живительной силѣ мѣстнаго самоуправленія (*local selfgovernment*) ²⁾ и гарантіяхъ индивидуальной свободы».

¹⁾ Взглядъ etc стр. 97.

²⁾ Взглядъ.

Его всегда привлекалъ въ Англіи этотъ прочный, законѣрный порядокъ политическаго организма, не имѣющій ничего общаго, по выраженію Каченовскаго, съ «искусственной механикой», въ спасительность которой вѣрятъ еще и теперь рутинеры бюрократіи. Самому Каченовскому, убѣжденіе въ существованіи естественнаго, соціального consensus'a не позволяло вѣрить въ очистительную силу бумажныхъ регламентовъ, за то онъ вѣрилъ въ способность науки отвѣчать запросамъ государственной жизни и трудиться надъ ея улучшеніемъ. Улучшеніе же въ государствѣ всегда сопровождается, по его мнѣнію, и возвышеніемъ личности, упадокъ государства—ея упадокъ.

Если и наступитъ время, думалъ онъ, когда люди перестанутъ нуждаться въ государствѣ, они достигнутъ этого не иначе, какъ подъ его же вліяніемъ, т. е. въ то время, когда оно сольется съ обществомъ и передастъ ему свои права, свою силу и свои ресурсы.

Но отъ насъ такое время еще лежитъ далеко ¹⁾.

Научная проницательность сказалась и здѣсь. Въ то время, среди западныхъ ученыхъ образовалось сильное теченіе противъ законности введенія въ науку новаго элемента «общество»; это дѣлаетъ, однако, нашъ профессоръ вмѣстѣ съ попыткой заглянуть въ судьбы человѣческихъ формацій. Скажу болѣе: соціальную науку онъ считаетъ помощни-

¹⁾ Современное состояніе ст. с. 34.

цею государствовѣдѣнія. Предъ лицомъ ея должны быть окончательно отвергнуты отвлеченныя теоріи 18 вѣка, выполнившія свое историческое призваніе. Онъ возлагаетъ большія надежды на новое направленіе въ юридической наукѣ, получившее въ наши дни названіе соціологическаго, такъ какъ находитъ въ немъ откликъ своимъ научнымъ убѣжденіямъ.

Но вотъ въ чемъ ошибся Каченовскій, по крайней мѣрѣ относительно Россіи: отвлеченныя теоріи не отвергнуты. На нашихъ глазахъ, онѣ, можно сказать, рвутся къ жизни съ увѣренностью, что это будетъ новая, возрожденная жизнь...

Мы видимъ, какъ совершается усиленная, синтетическая работа юридико-политической мысли въ школѣ идеалистовъ.

Но стремленіе къ идеалу, страстное и неудержимое стремленіе къ міровой истинѣ, внѣ одной узкой сферы своей спеціальности, было не чуждо Каченовскому, имъ проникнуты труды ученаго, имъ дышали и имъ заражали лекціи профессора. И какъ не сказать про него, вспоминая прекрасныя слова Ренана:

«Конечно, никто не можетъ ручаться, что онъ знаетъ отвѣтъ на загадку вселенной и безконечное, которое насъ окружаетъ: оно ускользаетъ отъ всѣхъ формулъ, которыя мы хотѣли бы наложить на него. Но есть одна вещь, которую можно утверждать смѣло; это—искренность сердца, это—преданность истинѣ и сознаніе тѣхъ жертвъ, которые

были принесены во имя нея». Это свидѣтельство Каченовскій твердо и гордо понесетъ на головѣ своей въ день страшнаго суда.

Его короткая жизнь—равнодѣйствующая двухъ силъ: неустаннаго исканія правды—истины и непреклоннаго осуществленія правды—справедливости. Онъ жилъ, отзываясь на великія проблемы своего времени. А кто жилъ такъ для своего времени, тотъ въ правѣ жить для памяти всѣхъ временъ.

Для насъ же харьковцевъ память о немъ—нашъ долгъ, который мы посильно выполняемъ, но не только по обязанности. Есть воспоминанія, изъ которыхъ черпаютъ мужество въ трудныя минуты жизни. Есть воспоминанія, которыя освѣщаютъ жизненный путь...

